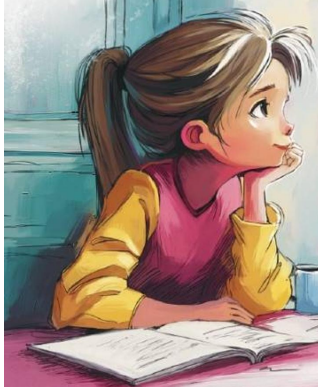

СВЕТЛАНА ГАРУСОВА

ОЧЕНЬ ВЗАИМНО

Светлана Гарусова

Очень взаимно

<https://litres.ru/74001209>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник живых и трогательных рассказов о любви, силе и поисках

радости. Светлана Гарусова соединяет реальное и вымышленное, ведёт читателя сквозь воспоминания, встречи и чудеса повседневности. В её историях оживают запахи, города и чувства, знакомые каждому. Эта книга-проводник учит вниманию к миру, внутренней свободе и вере в то, что случайности всегда не случайны.

Содержание

Это правда взаимно	5
Очень взаимно	8
Станция Кущёвка	16
Не спеши	25
Земная миссия	31
Солнечногорские ангелы	37
Мои Соловки	41
Эффект «Крузенштерна»	48
Белка	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Светлана Гарусова

Очень взаимно

Гарусова, Светлана Алексеевна. Очень взаимно. Рассказы о любви, жажде жизни и поисках радости / Светлана Гарусова. — Москва: Издательские проекты, 2025. — 200 с. Сборник живых и трогательных рассказов о любви, силе и поисках радости. Светлана Гарусова соединяет реальное и вымышленное, ведёт читателя сквозь воспоминания, встречи и чудеса повседневности. В её историях оживают запахи, города и чувства, знакомые каждому. Эта книга–проводник учит вниманию к миру, внутренней свободе и вере в то, что случайности всегда не случайны.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. ©

Светлана Гарусова, текст, 2025

Это правда взаимно

Я верю в то, что некоторые книги находят нас в моменты, когда они очень нужны. Тогда они становятся проводниками, поддерживают, напоминают, что внутри нас много света.

Книга «Очень взаимно» Светланы Гарусовой, которая нашла вас сегодня, как раз из таких книг-проводников.

Светлана принесла мне свои первые рассказы три года назад с вопросом, который задают все по-настоящему талантливые авторы: есть ли там что-то, с чем можно работать?

Я открыла первый и сразу провалилась в её мир, такой особенный, такой живой. Первое, что меня поразило в её историях, — это узнавание. В местах и героях, о которых она пишет, я узнаю себя, свои чувства и мысли, вспоминаю собственные истории. У меня есть собственная «Станция Кущёвка» — место, которое я помню детским взглядом, место, которого уже нет, но которое всегда существует внутри меня. Я тоже люблю волшебство и случайности и разговариваю с городами, как героиня в «Питер навсегда».

А дальше — «Эффект «Крузенштерна»», после которого я понимаю, как сильно восхищаюсь самой Светланой, её внутренней силой, искренностью и смелостью жить по своим правилам. Я горжусь тем, что она доверила мне редактирование своих историй.

В сборнике смешались вымышленные и реальные истории, что полностью созвучно тому, как автор смотрит на мир: с любовью и непоколебимой уверенностью в том, что он полон волшебства и неслучайных случайностей. При этом она не прячется за фантазиями — она честна и откровенна с читателем, не боится сложных тем и рассуждает не только о любви и свободе, но и жертвенности, одиночестве, изменах.

Светлана — чуткий наблюдатель. Она с равным вниманием следит за первыми признаками осени и за внутренними ощущениями своих героинь и мастерски находит слова, чтобы всё это жило и дышало на страницах её рассказов.

Мокрые тротуары апрельского Питера, запах земляничного мыла в дачном душе, терпкий сочный вкус шиповника в парке — эти детали помогают перенести опыт героинь на себя. С помощью них автор даёт читателю возможность прожить эти истории изнутри.

Близко и понятно — так можно описать опыт чтения рассказов Светланы Гарусовой. Читайте сердцем, читайте телом, проживайте истории вместе с героями. Разрешите этим историям захватить вас.

Я уже сказала в начале, что «Очень взаимно» — это книга-проводник. Светлый спутник, который оказывается рядом, когда нужен. Неважно, в какой момент жизни она нашла вас, она приведёт вас куда нужно, научит вниманию к миру и внутренней свободе.

Поверьте, её зовут СВЕТлана не просто так. Случайности

не случайны.

Ольга Городецкая, редактор

Очень взаимно

Светлой памяти Наума Самойловича Переца с поклоном и благодарностью за жизненные ориентиры. Ларисе Наумовне Нудельман, моему первому образчику для подражания, Женщине, Личности, Профессионалу, за нашу встречу на пороге моего взросления.

С чем у вас ассоциируется слово «перец»? У меня — с человеком, дедушкой, седовласым, мудроглазым, с тёплыми руками, голосом старого московского интеллигента и доброго учителя жизни, философа и насмешника. Наум Самойлович Перец, друг Сергея Образцова, отец тётки Ларисы Нудельман, маминой подруги, наставницы, врача от Бога и в какой-то степени ангела-хранителя. Наум Самойлович жил в Москве, но приезжал на Кубань, в нашу далёкую Кущёвку, повидаться с дочерью, внуком и зятем. Дружное семейство Нудельманов — дядя Валера, тётя Лариса и Миша, их сын, — обитало в соседней квартире, наискосок от нашей, через лестничную площадку. Наум Самойлович вёл с мамой неспешные беседы и называл её Раечкой. Думаю, на маму он производил такое же впечатление, как и на меня: смесь обожания, восхищения и лёгкого страха перед вы-сотами знаний и принадлежностью к миру столичной интеллиген-

ции. Как так сложилось, что его дочь вышла замуж за Валеру Нудельмана и оказалась в кубанской глуши, озаряя светом профессионализма пространства станичной поликлиники и больницы, неведомо. Но я благодарна судьбе, что мне посчастливилось встретиться с этой семьёй в детстве. Храю подаренную мне на десятилетие книгу Сусанны Георгиевской «Старости не бывает» и понимаю: давний тот посыл работает до сих пор.

«Старости не бывает, у души нет возраста и не бывает морщин», — эти утверждения, пришедшие ко мне от мудрых людей, которых я встретила на своём жизненном пути, стали для меня постулатами. Стареет физическое тело, а душа видит, слышит, ощущает себя молодой. Сохранить юное восприятие мира, научиться наслаждаться мгновениями — тоже посыл из детства и задача, которую я начала решать там, в волшебной для меня квартире Нудельманов.

Уезжая в отпуск, они оставляли ключи нам. Наши с Мишей папы служили в одной части, мамы дружили, дружили семьи. Вместе встречали праздники, поочерёдно то в одной, то в другой квартире. Я любила эти вечера, движение из одного пространства в другое, слушать весёлые голоса, вдыхать ароматы праздничных блюд, чувствовать всеобщее радостное возбуждение. Дядя Валера был неунывающим весельчаком, шутником и балагуром, кладезем анекдотов. Рассказчик отменный, с ним всегда было весело и интересно.

Больше всего я любила время, когда можно было оказать-

ся в их квартире одной совершенно законно. Ключи в руке, иду поливать цветы и... пропадаю на пару часов. Квартира вроде бы такая же, как наша, трехкомнатная, но совершенно другая. Сначала полить цветы, это я любила всегда — ухаживать за ними. Потом пообщаться с пианино. Миша играл на скрипке, и для меня это было интересно и необычно, но фортепиано дома — что-то из области фантастики. Большое, чёрное, пахнущее тайной, приключениями, шкатулка с секретиком. Открываешь верхнюю крышку, заглядываешь внутрь, и запахи дерева, фетра, которым покрыты молоточки, и ещё чего-то волшебного обнимают тебя: «Ура, ты пришла, мы скучали!» Потом открывала крышку над клавишами и пробовала их на ощупь, на слух. Слушала, пыталась сыграть какую-то мелодию.

Пообщавшись с пианино, переходила к книжному шкафу. Наша семейная библиотека тогда, в начале семидесятых, только начиналась, помещалась на одной полке. Потом их стало две, самодельных. Книжный шкаф появился спустя годы, а у Нудельманов он был уже тогда. Корешки книг, как мне казалось, дрожали от нетерпения, книгам так хотелось, чтобы я поскорее взяла их в руки. Брала, листала, заглядывала в конец, в серединку. «Два капитана» Каверина покорили навсегда, перечитывала в течение жизни, наверное, не меньше двадцати раз. Девиз «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» вдохновил меня, чувствительную и эмоциональную девочку. Это было бы логично для мальчишки, я же ло-

гикой что тогда, что потом, повзрослев, жила редко.

На полках с книгами лежали морские раковины. Подносила их к уху и слушала шум моря, гриновские «Алые паруса» уже готовы были подняться.

Фантазёрка я была отчаянная. Рассматривала фотографии, стоявшие в паспорту на книжных полках, и разговаривала с ними. Любовалась портретом тёти Ларисы, она мне напоминала Коко Шанель. Тёмное платье, жемчужная низка на шее. Я протягивала руку, и... вот уже жемчужинки весело перекатывались в моих ладонях, соскользнув с портрета и легко преодолев стекло шкафа.

В комнате у тёти Ларисы стояло трехстворчатое трюмо. Оно ловило сотни солнечных зайчиков и показывало мне саму себя с разных сторон. Я себе не нравилась. Искала глазами, чем бы себя украсить, находила и экспериментировала: на тумбе трюмо стояли шкатулки с бижутерией. Ах, какие в них лежали сказочные сокровища! Примеряла разные бусы, представляла себя то французской королевой, то принцессой из «Бременских музыкантов», то Дульсинеей Тобосской. Я уже знала, что это дама сердца Дон Кихота Ламанчского, Рыцаря Печального Образа, храбро сражавшегося с ветряными мельницами. Первое сочинение, которое рождалось у меня в бесконечных муках творчества, было именно по этому роману Сервантеса. Двухтомник читала долго, рассматривала прекрасные иллюстрации Гюстава Доре, и мир вокруг менялся, границы его расширялись и в пространстве,

и во времени.

Странные это были ощущения: много незнакомого, непонятного. Всмотривалась, вчитывалась, представляла далёкий семнадцатый век. Мой прежний образ рыцаря, молодого, красивого романтика, трубадура, рассыпался. Дон Кихот был иным, странным, но таким непосредственным, искренним, доверчивым, как ребёнок. С воодушевлением мальчишки, скачущего на деревянной палке с головой лошади (такие игрушки были в нашем детстве), этот старый рыцарь мчался на своём Росинанте, коне-доходяге, и бросался на лопасти мельницы, воображая злобного дракона.

А сочинение не хотело писаться, хоть плачь. Вряд ли я плакала, слёзы — признак слабости, мама же учила терпению и храбрости. Ставила в пример Зою Космодемьянскую и Ульяну Громову. Я их уважала, строгие лики напоминали иконы, но в глубине души хотела смеяться, петь и куражиться, как Любка Шевцова. Но тс-с, это была тайна даже для меня самой тогдашней, ни за что, никому бы не призналась!

— Дульсинея, душенька, выйди на балкон!

Да какая же красавица отзовётся на призыв этого странного старика-рыцаря? И оруженосец у него смешной, пузатенький. Санчо Панса умилял, смешил, хотелось спрятаться где-нибудь на их пути и неожиданно выпрыгнуть из кустов, прокричать что-то устрашающее и посмотреть на его реакцию. Но это всё фантазии. В реальности передо мной лежали два тома «Дон Кихота» и чистая тетрадка чернови-

ка, которая никак не хотела пустить в себя первое слово сочинения. Адовы муки прервались появлением другой тетрадки, исписанной мальчишеским почерком, но без единой ошибки, исправления. Это было оно, сочинение по литературе ученика шестого класса Нудельмана Миши, на тот момент уже десятиклассника. Прочитав три листа, увидела две крупные красные пятёрки. Уж не знаю, что меня заворожило больше: бегущие, как барашки волн, строки, красота и простота слога или эти победные цифры. Пожалуй, всё вместе.

Сначала я читала и перечитывала, восхищалась, огорчалась, что я так не могу. Потом расстраивалась, что никогда не смогу, опять читала, а потом вдруг услышала мелодию стиха в эпилоге романа. На этот стих обратила внимание после Мишиного сочинения. Мама строго–настрого наказала ни в коем случае не переписывать из Мишиного сочинения ни строчки! Так вот, можете не поверить, но я совершенно не помню, что я написала в итоге в своём сочинении, а вот стих из романа сейчас пишу, не заглядывая в интернет:

Под плитой сей замишлой

Спит идальго, до того

Телом мощный, духом смелый,

Что бессмертья не сумела

Даже смерть лишить его.

Он по всей стране скитался,

Всем посмешищем служил,

С мненьем света не считался,

Но, хотя безумцем жил,

С жизнью, как мудрец, расстался.

Это была эпитафия на могиле Дон Кихота. Она зацепила меня мелодией лютни, гармонией рифмы, высоким стилем, смыслами. Благодарная память принесла сейчас на своих крыльях не только эти строчки, но и образы Наума Самойловича, тёти Ларисы, дяди Валеры и Миши Нудельма-

нов. Моё отрочество прошло рядом с ними, замечательными, интересными, добрыми и щедрыми людьми, — золотое время начала становления моей личности, формирования читательских вкусов и пристрастий, время рождения любви к музыке и живому слову. Роль некоторых людей, встречающихся нам на жизненных дорогах, неоценима. Они становятся катализаторами процессов перемен нашего «я». Генетика и среда, случайности как зреющие закономерности, соединяясь в пространстве и во времени, творят чудеса. Нам просто нужно быть к ним готовыми и принимать эти жизненные дары с благодарностью.

Мы не виделись больше сорока лет. Наум Самойлович и дядя Валера слушают меня из небесных далей, тётя Лариса и Миша сейчас живут в далёкой Флориде, давно не общаемся, номера телефонов утеряны.

Подняла глаза в московское небо, а там белым облаком мчится навстречу то ли огнедышащему дракону, то ли небесной даме своего сердца отважный рыцарь Дон Кихот Ламанчский, вечный романтик и вечный мальчишка. Достала платок и помахала ему: пусть знает, что я, как и прежде, неисправимая фантазёрка и мечтательница и верю, что любовь взаимна.

Станция Кущёвка

«Желай — не желай, не прокрутишь назад отснятой судьбой киноленты», — Пугачёва пела, я с ней соглашалась, а поезд «Москва — Новороссийск» вёз меня на юг. Хотелось бы, конечно, чтобы мчал, но... Поздно спохватилась, билеты на скорые уже в начале декабря раскупили. Может, и хорошо, что не «мчит меня поезд, на стыках звеня»? Выплюсь, настроюсь на близкий Новый год — всего три денёчка до него — рукой подать.

Вагон у меня приличный, купейный, новый. Народ тихий, а тут проснулся, расшумелся, высыпал на снежный перрон. Кто морозного воздуха глотнуть, кто покурить. Наблюдала из окна, как приплясывал парень в шортах и футболке, барышни из соседнего купе полусонно затыгивались. Пошутила про себя: три девицы под окном курили поздно вечерком. Напарники транспортной охраны (тоже в нашем вагоне едут) дымили понуро. Окрик проводника — гуськом взошли по ступеням в тамбур, поезд тронулся. Пустой перрон, столбы, ларёк закрытый, остановка — навес с лавочкой под ним и... одинокая мужская фигура. Проплываю мимо, а он вдруг рукой помахал. А я — в ответ. Улыбку увидела, сама улыбнулась, на душе посветлело. Пойду—ка по—любопытствую, какая станция. Расписание у купе проводников — Узловая. Ну

что ж, Узловая, спасибо тебе за узелок на память, и тебе, незнакомец, спасибо!

Задержалась у расписания: много ли стоянок будет, долгие ли? (Давно пассажирским поездом на юг не путешествовала, да и поездом вообще, последние годы всё самолёты и самолёты...) Много. Долгих — шесть, два часа в общей сложности простоим, а коротких ой как много!.. Стоп — Кущёвка, четыре минуты, через сутки! Сколько я там не была? Сорок пять лет. Неужели?.. Именно сорок пять лет назад декабрьским вечером поезд увозил нас с мамой и сестрой далеко—далеко, через Москву и Брест, в маленький немецкий городок Вюнсдорф, к папе. Судьбы офицеров разделяли их жены и дети, вот и мы неожиданно с тёплого юга, из Кущёвки, где прошло моё детство, уехали вслед за папой к его новому месту службы. И хотя оставалась в военном городке наша квартира, уезжали мы оттуда навсегда.

Батайск, Гайдаш, Койсуг, Кочеванчик, Каяла, Мечётный — милые названия станций и полустанков между Ростовом—на—Дону и Кущёвкой. Они забавляли нас в детстве и оживляли долгий путь, когда мы электричкой выбирались в цивилизацию. Кущёвка — станица, хоть и большая, но всё же станица. Ростов стал первым большим городом в моей судьбе. Потом их будет много — десятки, сотни в разных странах. Огни большого города всегда манящи, но огонёчки мест, связанных с детством, всё же милее.

Решила, что выйду в Кущёвке, пусть и на пару минут,

но выйду. Оглядетесь, вдохнуть вечернего воздуха — узнаю ли, вспомню?.. Те милые полустаночки со смешными названиями поезд, конечно, проскочит. Мелькнут штришками за оконным стеклом, напомним точки–тире азбуки Морзе, с которой познакомилась в станичном детстве, и была она для детского ума таинственной, как дальние страны. Так и в памяти нашей — пунктирами, точками — события, города, люди.

«Конечная остановка — станция Кущёвка», — голос диктора в электричке моего детства заставлял очнуться от созерцания неброских пейзажей за окном, небольших домишек на улице вдоль железнодорожного полотна. Кубанские станицы всегда были крепкими, основательными: быт налажен — так, видно, исторически сложилось. Дома в три окна на фасаде, с двускатными, а то и четырехскатными крышами, палисадники, лавочки у калитки — почти ничего не изменилось.

Станица встречала меня празднично: огоньками гирлянд не только окна украшены, но и фасады домов, фронтоны крыш, а кое–где в палисадниках поселились светящиеся снеговики, олени — компенсация за отсутствие снега. Тёплый Новый год здесь — дело обычное.

Узнаю ли вокзал, площадь перед ним? Поезд медленно продвигался вдоль перрона. Я, уже одетая, вглядывалась в темноту за окном, мигали огоньки гирлянд, как в памяти моей — яркими вспышками — картинки. Детская память ухва-

тывала и сохраняла то, что удивляло, трогало, восхищало...

Здание вокзала в Кущёвке — солидная постройка советских времён — выделялось своей основательностью. Мы, детвора, входили в него как в храм. Высокие, гулкие своды, большие окна, колонны внутри и снаружи. Широкий прямоугольник платформы перед вокзалом — в клумбах. Какое же цветочное буйство там всегда было летом! Канны, бархатцы, петунии, душистый табак, ночная фиалка — плотное облако ароматов кружило голову. После знойных летних дней вечерами, если случалось оказаться на вокзале, ни с чем не сравнимым удовольствием было сидеть у клумбы, рассматривать нежные граммофоны петуний, аккуратно вынимать их из чашечки цветка и слизывать сладкую капельку нектара с краешка тонкой трубочки. Белые звёздочки на тонких ножках душистого табака, взъерошенные огненные шапочки терпко пахнущих бархатцев, блёклые, чуть сиреневатые крестики не-взрачных, но с таким волшебным запахом цветов ночной фиалки, вечерницы, или маттиолы. Днём — незаметная простушка, вечером — королева грядущей ночи, вечерница окутывала тонким шлейфом аромата всякого проходящего мимо. Необязательно было даже задевать цветок или веточку, чтобы этот шлейф устремился за тобой и волновал, очаровывал. Но все эти цветы были для меня лишь обрамлением красавиц цинний. На юге чаще их называли панычами, майорами, майориками или казачками. Мне так они нравились! Горделивый вид, стойкость, жёсткие и крепкие стеб-

ли, увенчанные пёстрыми соцветиями; над яркой полянкой майоров вечерами кружили бражники. Могла бы любоваться часами, если бы мне кто позволил столько торчать на вокзале.

Порой я специально ехала на автобусе из музыкалки через вокзал и выходила там, не доезжая до дома. Цветы меня манили и очаровывали. Тогда ещё не было такого понятия — ландшафтный дизайнер. Был садовник, и, думаю, вокзальный садовник был мастер.

Впрочем, притягивали меня на вокзал не только цветы. Было там ещё одно волшебное местечко — маленькая будочка, ларёчек с газетами, журналами, открытками, марками, ручками, карандашами. Тогдашнее крохотное канцтоварное царство. Маленькие окошки его сплошь были увешаны фото-открытками с изображениями популярных актёров: Василия Ланового, Евгения Леонова, Татьяны Дорониной, Веры Васильевой... Цветные и черно-белые, они закрывали весь свет для сидящего в этой будочке продавца. Им бессменно был сухонький старичок, знавший толк в ребячьих увлечениях. Походишь-походишь вокруг будочки, поразглядываешь открытки, найдёшь новую, марку интересную заметишь, карандашик необычного цвета. Ой, а вот открыточка с тонкой голубой пластинкой внутри! Что там? «Увезу тебя я в тундру» — уже есть такая, надо спросить, нет ли другой (в те годы популярные песни можно было вот так коллекционировать). Решишься, заглянешь в окошко —

сразу темно внутри покажется, никого не видно, но нет — есть хозяин, сидит старичок на месте. Ему — пяточок, тебе — желанная открытка. С Андреем Мироновым, например, или Николаем Рыбниковым, Татьяной Самойловой или Изольдой Извицкой...

— Смотри, что у меня ещё есть, — это старичок ко мне обращается. Достает из стопочки несколько открыток в общей фотообложке. — Уверен, тебе понравится.

Беру, открываю, замираю. Какие красивые виды, какие здания, какие скульптуры! Хочется оказаться там, в тех пространствах, незнакомых и манящих. Вожу пальцем по колоннам какого-то дворца на берегу реки, рассматриваю статуи на его крыше. Река мне кажется очень холодной, но я не боюсь этого холода, хоть и родилась на юге.

— Нравится?

— Да, очень, — шепчу я чуть слышно. Открыток не отдаю, сдвигаю с дворцом, под ней — фото прекрасного парка, высокая решётка с колоннами, позолота. И река, быть может, та же. Холодная, но зовущая.

— Я знал, что тебе понравится. Это Ленинград, детка, Питер. Самый прекрасный город на земле. Хочешь там побывать?

— Да, очень. Очень хочу! Во дворце этом хочу побывать, и в парке, и у реки. Такая красивая в ней вода. И холодная, да?

— Да, очень. Но река добрая, Невой зовётся. Дворец —

Зимним, а сад — Летним. Ты обязательно там когда-нибудь побываешь. Я уж вряд ли...

Старик замолчал, отвернулся, вроде бы как поправить неровно висящую сбоку картинку, перебирал открытки в стопочке, будто искал что-то, но мне показалось, что он просто не хотел, чтобы я увидела его слёзы.

— Ленинград, Нева, Зимний дворец, Летний сад, — шептала я, чтобы запомнить...

— Вот незадача, хотел открыточку подарить из тех, что тебе глянулись. Из набора не могу, а отдельных не нахожу, вот разве что... — Он задумался, сложил пальцы щепоткой и теребил свои губы, вытягивал их трубочкой.

— Да, пожалуй, эта подойдёт. Держи. Это тоже Ленинград, памятник великому путешественнику Пржевальскому в Адмиралтейском саду. Он считал, что мир прекрасен ещё и потому, что можно путешествовать. Расти большой, детка, и постарайся как можно больше увидеть этот прекрасный мир!

Я бережно приняла из сухонькой руки открыточку — новую свою драгоценность, опустила её в нотную папку, сказала старику спасибо, тоже чуть помедлила, а потом решилась и произнесла:

— Когда я буду в Ленинграде, от вас привет передать?

Старик улыбнулся, снова сложил пальцы в щепоть, потерев губы.

— Передай, милая. Скажи, Дед Буквоед кланяться велел. Город этот мудрый, чуткий, поймёт.

Проводник вагона тоже оказался чутким. Позволил мне выйти на три минуты, когда услышал, сколько я здесь не была. Наш поезд стоял на втором пути, пере-ходы через первый далеко, поэтому я смогла пройти по платформе только параллельно перрону. Постояла напротив здания вокзала — оно прежнее, виден недавний ремонт, представила, где были клумбы, где будочка. Их давно нет, стандартные туи по бокам, между ними стоят стандартные лавочки. В центре вокзальной площадки соорудили некое подобие клумбы со стандартной для юга юккой. всё иное, сама жизнь иная, я иная. Но это только снаружи. Внутри меня ещё жива та девочка с косичками и коричневой дерматиновой папкой для нот на верёвочных ручках, куда была опущена почти полвека назад драгоценная открытка с изображением уголка самого красивого города на земле. Так считал когда-то Дед Буквоед, а потом и я.

Привет городу от него я передала лет через восемь, и город понял и принял меня. Я полюбила его и люблю до сих пор, хотя живу в Москве. Поезд тронулся, мимо проплыл вокзал, отправляясь в моё прошлое. Не сердись, старина, я постараюсь забыть твой обновлённый облик. Мне милее тот, вокзал моего детства, утопающий в цветах и с прилепившейся где-то сбоку деревянной некрашеной будочкой, окошки которой были рас-цвечены открытками, а внутри обитал первый живой волшебник, встреченный мной в жизни. А разве не так? Откуда-то же он знал, что мне понравит-

ся Ленинград — Петербург — Питер. И...

Я снова покупаю билет на поезд,

Чуть—чуть ревнуя

И немного расстроившись,

Провожает меня до вокзала

Ночная Москва.

Не спеши

Март завершал свой бег и почти готов был передать звонкому апрелю эстафетную палочку. Была она холодна, местами покрыта хрупкой наледью, но я знала, что это ненадолго. Апрельское солнце сумеет её растопить, и превратится эта палочка в дирижёрскую. Апрельская сюита почти написана, репетиция — на следующей неделе.

Спала чутко, сон мой был хрупким и зыбким... И чудились мне мелодии этюдов Яна Сибелиуса, хрустальные звоны пьес Эдварда Грига, зелёные вальсы Штрауса. Утро просыпалось, потягивалось сладко, расправляло плечи, распахивало глаза. Всплывало над крышами солнце, сияло золотым диском окрест, поблёскивало в оконных стёклах, будило москвичей. Проснулась и я, открыла окно и услышала, как затенькали синицы, скрипуче откликнулись автобусные двери, самолёт прощально прогудел, набирая высоту. Голос нового дня был свеж и глубок — весна набирала силу и обещала быть музыкальной, яркой, полнокровной. Город запахнет свежестью, задышит вдохновением, оживёт. Станет веселей вставать по утрам и легче идти в новый день. Замелькают понедельники–пятницы, закружится не–дельная карусель. Вовлечёшься и перестанешь замечать перемены вокруг. Сюита заполнит дни, незаметно проникнет внутрь, приглушит краски, растушует зрение, отвлечёт внимание и заменит све-

жее и чудесное новое на пресное и строгое привычное, срочное и важное. И ты снова побежишь, нагрузив себя делами, а жизнь будет нестись мимо, превращаясь в сплошную однотонную полосу.

Притормозила, когда поняла, что болит от этой спешки и тело, и душа. Резкая остановка в бесконечном движении почти без отдыха, без расслабления казалась мне всегда опасной. Вдруг рассыплюсь, как пазл, на мелкие кусочки, кто соберёт?

Решила лечь спать хотя бы за час до полуночи, встать пораньше и попробовать прожить новый день медленнее.

Раннее апрельское утро началось звонкой переключкой синиц. Небо чистое, ни облачка, над домами—башнями висела уже начавшая таять луна. Пыталась сфотографировать её, а она выскользывала, словно рыба, не давалась в руки (печальная рыба—луна, вот оно откуда!). Синицы умчались к лесу, далёкий дрозд одиноко переливал свою мелодию. Подняла голову — небо глубокое, синее—синее, две заблудившиеся предутренние звезды подмигивали мне. Над лесом мелкие облачка цеплялись за верхушки елей. Громадой надвинулась свинцовая туча, вобрала этих малышей в себя, поглотила и поволокла вместе с собой, открывая чистое небо. Апрельское утро было морозным, солнце покраснелось, зааляли дали. Свет зари скоро добрался до домов—башен, порозовело их стройное тело, голова засветилась словно свеча! Как я могла не замечать этой красоты? Вот она — здесь, рядом,

повсюду — стоит только остановиться и оглядеться вокруг...

Начинался новый день — светлый, весенний, неповторимый. Он робко уговаривал меня не спешить, дарил с раннего утра незатейливые подарки и так просил побыть с ним наедине. Ну как я могла ему отказать?! Согласилась с радостью, он осторожно взял меня за руку и повёл в просыпающийся парк. Пушистая и такая ажурная полоса кустиков спиреи вдоль тротуара преобразилась: в начале недели спирейки ещё спали чутким сном, к среде что-то неуловимое ощущалось в пространстве вокруг них, а в четверг — неожиданный салют! Самые смелые почки взорвались весенней радостью — сбросили тёмные чешуйки и обнажили юную тоненькую зелень. И липы не узнать: взбодрились, расправили кроны, лёгкая розовая дымка появилась вокруг ветвей, красноватые чешуйки почек приоткрылись — ждать появления острых зелёных носиков листвы осталось недолго. Сирени смелые, почки уже сияли зеленью на фоне голубого неба. Моё лицо тоже сияло, шла и улыбалась сиреням, спирейкам, любимым своим липам, вдыхала бодрящий апрельский воздух и благодарила этот день за такую светлую и радостную увертюру.

Солнечный луч открыл ворота парка, и — здравствуйте! — встретили меня весёлые стайки первоцветов. Газоны очнулись от зимней спячки, и забияки-крокусы, словно цыплята, разбежались по ним. На клумбах земля задышала, упругие кулёчки тюльпанных листьев поднялись и развернулись. Воздух прозрачный, лёгкие ветерки разносили по

всему парку запахи свежей земли, молодой зелени, первой цветочной пыльцы, талой воды, птичьих пёрышек, мокрых шишек. Дышать — не надыхаться! С удивлением заметила, как голова полегчала, от всего лишнего, наносного освободилась и была готова улететь воздушным шариком в апрельское небо. Куда, зачем я всё время спешила? Что искала, за чем гналась?.. Шаг мой замедлился, пошла дальше спокойнее, размеренней и стала замечать происходящее вокруг — так интересно!

Девчонки—подростки у лавочки остановились, пёстрые, весёлые, шумные. Одна: «Так, слышите меня, я божественно фотографирую! Идите сюда, сейчас покажу свои работы». Другая: «Да чего там старое показывать, ты сейчас давай фоткай, нас фоткай, сразу и поймём».

Красивая пара, мужчина и женщина, в возрасте оба, не под руку, не за руку, на пионерском, как говорили в пору моей юности, расстоянии, гуляли по аллеям парка. Явно, не муж и жена — лёгкое напряжение меж ними ощущалось, беседу неспешную вели, но несколько раз останавливались, поворачивали лица друг к другу и негромко смеялись. Замерли у большой берёзы, ветви которой сияли жемчужно—белым светом на фоне голубого неба, подняли головы, залюбовались. Они берёзой, а я ими. Пусть всё у них сложится наилучшим образом!

На зелёной лужайке ещё одна пара: огари паслись. Селезень поярче, ясное дело, уточка поскромнее. Она отдыха-

ла, он расхаживал неподалёку, травку пощипывал, букашек, крошки выискивал, голос иногда подавал. Перевод с птичьего оказался лёгок: я здесь, не беспокойся, спи—спи, я охраняю твой покой. Подошла поближе, встревожился, по—другому даму своего утинового сердца окликнул, предупредил, вдруг я — опасность. Поковыляли в сторону, а потом — раз — и полетели, громко о чём—то крикая. То ли меня обругали, что я их уединение нарушила, то ли обсуждали в полёте, чем сейчас займутся.

Ладно, летите, летите, я пофотографирую. Вон какие крокусы красавцы вымахали! Заглянула в самый крупный цветок, а там шмель. Возится, никак из воронки цветка выбраться наружу не может. Нырнул головой вниз, отяжелевшие от пыльцы лапки еле шевелятся. Только чуть выше вскарабкается, как вновь вниз соскальзывает. Устал, замер. Ладно, справится, не буду мешать—помогать.

Присела на минутку на лавочку, лицо солнцу подставила, как вдруг — трель над головой. Глядь, а там скворушка — радужное пёрышко на берёзовой ветке расположился, шейку вытянул и арию заморского гостя запел. Прекрасно! Браво, браво, бис! Не вынес моих молчаливых восторгов (певцы, они такие чувствительные натуры!), сорвался и улетел стремглав к большой липе.

Пора и мне идти дальше — дела ждут. Продолжила, и вот что удивительно: вовремя успела и дойти, и дела сделать. За временем не следила, и оно мне в благодарность за до-

верие настроение прекрасное подарило, энергией наполнило и мысль верную подсказало: не нужно спешить! Душевное равновесие, покой — всё, чего мне не хватало и чего я так ждала от мира, есть во мне самой, внутри. То, что нужно, придёт к тебе само, а если не придёт, значит, это тебе и не нужно. Быть не вне времени, не в безвременье, а с ним заодно, вместе идти, рука об руку. И повод для радости всегда найдётся, и место для неё тоже, и в пространстве вокруг, и внутри тебя. Смотри, слушай, дыши, чувствуй, замечай перемены вокруг, живи жизнь, и она обязательно ответит тебе взаимностью!

Земная миссия

Они брели по сонному городу, с наслаждением кутаясь в предрассветный туман. Туман снимал с них усталость, и путники периодически взмахивали руками, освобождаясь от неё, словно от грязной одежды.

Два старых ангела возвращались с дежурства домой, в свой любимый сад — волшебное место на границе сна и яви. Там они чувствовали себя, как весной, — помолодевшими, будто снова обрели крепкие сильные крылья.

Ангельская вахта завершалась в саду в предрассветный час. В лунку, полную ожидания, опускалась надежда, которой предстояло вырасти, превратиться в нечто реальное и исполниться в чьей-то жизни.

С восходом волшебный сад озарялся солнцем, и под его животворящими лучами набирали силу, распускались и благоухали прекрасные цветы — такие разные, совершенно неповторимые, как неповторима каждая мечта. Старики-ангелы поняли это очень давно и каждый раз входили в свой сад после дежурств в лёгком нетерпении, ступали осторожно, бережно неся свою добычу.

Дежурства были необычными, впрочем, как и сами дежурные. Два седовласых старика приходили в город с сумерками. Оба — в светлых просторных одеждах: широкие брюки, свободного покроя верх, за спиной у каждого — неболь-

шой мешок—торба.

Невысокий, лысоватый и пышноусый был обладателем внушительных ушей. Они так мило двигались, когда старик улыбался и подмигивал, заметив чей—то внимательный взгляд, что прохожий улыбался в ответ. В особенные же моменты старик—ангел с улыбкой покручивал кончики усов, нежно и заботливо поднимал, медленно разводил их в стороны, и эти плавные движения старческих рук завораживали.

Второй был долговяз и кудряв. Соломенного цвета с пепельной проседью кудряшки при ходьбе подрагивали и весело пружинили. По лицу, как ручейки по весеннему склону, разбежались морщинки. Большие, васильковые, ясные и чистые глаза тоже в лучиках морщин. Встретишься с такими, и взгляд не отвести, — так и хочется в голубую их бездну заглянуть: вдруг там обитает тайна?.. О таких глазах обычно говорят — мудрые. Думаю, так оно и есть.

Стариков этих видели нечасто, но в каждом дворе они хотя бы однажды появлялись. Со временем стали старики городской легендой, добродушным символом вечернего и ночного города. Разговорами никому не докучали, вопросов не задавали, наставлениями не мучили, в душу никому не лезли. Что ещё нужно, чтобы прослыть хорошим стариком? Ходили—бродили, сидели и исчезали. Кто они были, никто не знал. Куда пропадали, никто не задумывался. Зачем ходили по дворам, не интересовались. У всех своя жизнь, все бегут, спешат, торопятся. Со своими делами бы разобраться — не

до стариков—странников. А те только рады такому невниманию. Им и надо где—то в пограничье быть — что обликом, что взглядом, что словом. Вроде был, и вроде не был. Вроде видели в этом дворе, у этих домов. Хотя, может, и не в этом, или вовсе причудилось...

Летние сумерки уже почти погасли, растворив в себе дневную духоту. А эти двое всё шли неспешно по улицам, заходили во дворы, сидели на лавочках, слушали звуки августа, вечера, города. Арка четырехэтажного дома, старого, крепко сложенного и многожды окрашенного, поманила стариков во двор. Свод пестрел пятна—ми от облупившейся штукатурки, которые показались ангелам похожими на волшебные цветы их сада. Наши путники переглянулись: тот, что пониже, покрутил ус, кудряшки высокого мягко спружинили и улеглись.

Лавочка у куста спиреи давала прекрасный обзор, на неё и присели. Замерли. Молчали, вглядывались мельком в лица жильцов, спешащих мимо них домой. Такими, неподвижно сидящими, в светлых одеждах, они походили на изваяния.

Медленно идущая по аллейке женщина и приняла их поначалу за скульптуру. Спешить ей было некуда — дома никто не ждал. Шла и вглядывалась в мягкие очертания светлых фигур на лавочке у любимой спиреи. Привычные вечерние мысли о том, как быстро пролетают дни, месяцы, годы, а она всё сомневается и не решается исполнить давнюю мечту, неожиданно перестали тревожить. Словно растворились

в летних сумерках. Прибавила шаг, поравнялась с лавочкой и вздрогнула, поймав на себе внимательные взгляды. Думаю, и вы на её месте остановились бы и подумали: «Ну надо же, будто ангелы с небес спустились. Сидят недвижно, а смотрят — словно душу читают». И были бы совершенно правы, потому что старики—ангелы именно этим и были заняты.

В то самое мгновение ангел с васильковыми глазами увидел заветное: замершее в глубине смятенной души зёрнышко давней мечты. Оно вызревало долго, всю её сознательную жизнь, но так и не накопило достаточно смелости, чтобы проклюнуться. Усатый же наш знакомец чутким слухом своим уловил: живо, живо зёрнышко, совсем немного осталось до желанного мига.

Оба заметили, как виновато женщина улыбнулась, переглянулись и снова замерли. Она вздохнула, улыбнулась уже легко и свободно, а в мешке за плечами старого ангела на одну мечту больше стало.

Город погружался в ночь, гасли окна и голоса, городской шум сворачивал себя в свиток и убирал в чёрный футляр. Старики становились заметнее: каждая найденная ими настоящая мечта дарила им радость и прибавляла сил. Шире становились плечи, крепче шея, ровней спина, устойчивей ноги.

Миссия старым ангелам ответственная выпала — помочь людям настоящие мечты вырастить. Проводив каждый закат, собирают они волшебные зёрнышки человеческих мечт,

чтобы под утро высадить их в своём саду. А отличить истинную мечту от иллюзии или чужого ожидания им и помогает чуткий слух, зоркие глаза и бескорыстные сердца. Бесменное дежурство — дело не шуточное, порой почти из небытия приходится им выуживать такое вот золотое зёрнышко. Но старики–ангелы дело своё знают и назначенную миссию выполняют достойно.

Ангелам всегда видно и слышно, как проклёвывается в чьей–то душе вымечтанное. И неважно, сколько времени у человека ушло, чтобы понять, что это желание — истинное. У кого месяц, у кого год, а у кого–то почти вся жизнь. Каждой мечте — свой срок. Дом–сад ангельский полон зеленью и красотами цветущими круглый год. В нём вечное движение: радужно–счастливо стремятся соки к бутонам, пахнут счастьем распускающиеся большие и маленькие мечты, просятся в руки шаловливые ветерки, резвящиеся в кронах больших яблонь...

Когда приходит пора мечте сбываться, торжественные, будто помолодевшие старики–ангелы собирают пыльцу распустившейся мечты и лёгким облачком развеивают над спящими мечтателями и мечтательницами. Ангелам так хочется прошептать им своё горячее напутствие, но всякое доброе волшебство требует тишины. Мысли же, к счастью, никто запретить пока не в силах. Раскрою вам секрет — старые эти ангелы, впрочем, как и мы с вами, помогают и своими добрыми мыслями. Распыляя пыльцу мечты, они говорят

про себя так: «Дышите ею, счастливые сонные люди, просыпайтесь с улыбкой, идите в день с радостью! Намерение действовать уже живёт в вас, течёт в жилах, зовёт вперёд. И пусть ваши мечты сбываются — даже ангелам на пенсии важно быть нужными!»

Ангелы пребывали уже в саду и знали — на то они и ангелы, — что наша женщина уже проснулась, распахнула окно, выглянула: на лавочке никого нет. Они улыбнулись друг другу — пусть думает, что вчера ей просто причудились старики в белых одеждах.

Женщина закрыла окно. Её охватило радостное возбуждение: скорее, скорее сесть и писать, нырнуть в счастливый светлый поток строчек, слов, букв! Образ вчерашних старичков неожиданно воскресил однажды адресованные ей однажды слова: «Не лишайте людей возможности видеть мир вашими глазами!» Фраза вдохновила и окрылила. Творчество — это радость пути, несмотря на все сомнения и тревоги, радость созидания и достижения результата. Испытать это по-настоящему можно, только будучи самой собой. Теперь она была уверена: всё получится!

Солнечногорские ангелы

*Памяти Олега Петровича и Марины
Дмитриевны Ворсловых*

*С этим рассказом у меня тесно связана мелодия
Алексея Рыбникова «Лестница в небо» из к/ф «Тот
самый Мюнхгаузен».*

Много ли вы знаете взрослых, которые верят в сказки? Спросила и сама задумалась. Я — верю, раз. Кого ещё посчитать?.. Так уж вышло, сложилось у меня по жизни, что верю в её волшебство, её красоту и чудесность. Мне так гораздо легче жить. Хотя давно разделяю мнение — чудеса рукотворны.

Нам, взрослым людям, уставшим от своих многочисленных жизненных задач и проблем порой так не хватает романтики! И женщинам, и мужчинам, коим вроде бы не пристало признаваться в подобной слабости. Резкие черты бытия, вероятно, и им ранят душу своими острыми краями, угнетают насыщенными красками, особенно тёмными. Романтика — словно вуаль на картине реальности: поблёскивающая под солнечными лучами; мерцающая под звёздным небом или в сиянии луны; струящаяся под дуновением ветерка — весеннего, шального или шелестящая от жаркого летнего; утом-

лённая осенним, долгим и влажным, или укрывающая всех и всё вокруг от колючего зимнего ветра.

Сентябрь уж миновал вершину, катится к подножью октября. За моим окном трепещет на ветру липка, вытянувшаяся за год так, что я уже не вижу её макушку. Красавица моя так нарядна в кружевном зелено-жёлтом одеянии. Будто мережкой кто вышил её крону: зелёный стежок — жёлтый стежок — небесное окошко. И снова: зелёный — жёлтый — окошко. Архитектоника кроны — какое волшебное словосочетание! Перекатываются слоги на языке, будто камешки ручеёк переворачивает. Или по лесенке девчушка босыми ногами поднимается: шлёп-шлёп-шлёп, остановка — взгляд вверх, в небо, и снова — шлёп-шлёп-шлёп... всё выше и выше, всё ближе к солнцу, к радости! Она, радость, нечаянной порой бывает. Вот как вчера. Мой знакомый прислал фото солнечногорских стариков в белых одеждах и чёрных цилиндрах. Позвонил накануне и рассказал, как откликнулся ему мой рассказ об ангелах.

В Солнечногорске жила супружеская пара, которую ежедневно видели в парке на набережной Сенежа идущей то за руки, то в обнимку. И на лавочке в обнимку. Оказалось, и по жизни так прошли — почти шестьдесят лет вместе в любви и согласии прожили. Небесной любви и ангельском согласии. Движение — это жизнь, а любовь — движение жизни, вот и в старости они это движение продолжали. Ежедневные прогулки — трижды в день, по пять километров, после завтрака,

обеда, ужина. И непременно в одинаковых светлых одеждах и с бабочкой на шее — стильный, фирменный их аксессуар. Оригиналы! Думаю, для многих в подмосковной глубинке эта парочка виделась если не странной, то чудаковатой точно. Смелые и раскованные просили согласия сфотографироваться с ними, и они никогда не отказывали. Любовью и радостью веяло от этой пары.

Жизнь супруги Ворсловы хорошую прожили, миссию свою на этой земле каждый из них выполнил достойно. Девятый десяток разменяли, дети, внуки выросли, разлетелись. Жили друг другом и друг для друга. Разве не ангельское завершение земного пути?! Весной 2021-го ещё были вместе. А потом Марина Дмитриевна, девочка — старая женщина — ангел, улетела на небеса. Уверена — обетованные. Олег Петрович пережил её ненадолго, через два года улетел белым ангелом вслед за любимой.

Ходил ли один по их с Маришкой прежним маршрутам? Носил ли по-прежнему белые одежды? Выбирал ли, как прежде для обоих перед выходом в свет, бабочку для себя? Этого я уже никогда не узнаю. всё собиралась в Солнечногорск, да так и не доехала...

Случайности не случайны. Услышала давнюю песню Олега Митяева, и её слова зазвучали для меня новым смыслом: «Случайность — промысел судьбы, подарок благосклонный Бога». Слушала, соглашалась и принимала с благодарностью. Мои ангелы из рассказа «Земная миссия» обрели, воз-

можно, земных прототипов. И кто знает, может быть, когда я всё же соберусь и приеду в Солнечногорск, на набережной Сенежа встретят меня мои прекрасные старички, только уже в бронзе. А вот костюмы у них будут такие же белые, как и при жизни, только из эмали. Есть такая задумка у местного скульптора Марии Галас. И скульптурная композиция уже есть — «Супруги Ворсловы». Белые фраки, красные бабочки, белые цилиндры и светлые улыбки на похожих лицах. А как же иначе? Так и бывает, когда всё взаимно.

Мои Соловки

Ожидания. Без них трудно, а порой невозможно. Быть может, научиться принимать происходящее без ожиданий и есть — быть в потоке? Пока не знаю. Думаю о Соловках. Когда вернулась из короткого по ним путешествия, написала в своих путевых заметках, что мысли и смыслы придут потом, так и случилось. Они стали приходить после возвращения. Соловки у каждого свои, независимо от того, насколько много мы о них знаем и знаем ли вообще. Потому что смыслы в самом слове «Соловки» накоплены столетиями их истории. И выступают на поверхность как морская соль под солнцем на промокших от прибоя брючинах, на широких лентах добытой в Белом море водоросли ламинарии, на камнях-валунах во время отлива. Отливы и приливы там, на Соловках, самые мощные и непредсказуемые. Никто и никогда не знает, во сколько точно они придут и уйдут. И снова от этой фразы протянулась ниточка к человеку, женщине, по-эту, личности, соли земли этой северной, о которой я узнала впервые в поездке. И судьба которой тронула, заставила задуматься, переосмыслить собственную судьбу, жизнь в уединении в юности, только в горах.

Юлия Матонина, в девичестве Брагина. Почти моя ровесница, старше всего на два года. Родилась в Пятигорске, дет-

ство и юность — в Архангельске, жила на Соловках, успела родить троих детей — сына и двух дочерей. Писала удивительные стихи. Много работала и думала, работала и думала и снова работала и думала. И ушла в 25 лет. По собственной воле. Подробностей не знаю и не знаю, нужно ли мне их знать. И как-то так получается, что встреча с этой женщиной — опосредованно, через её стихи и мысли — стала для меня главным событием на Соловках.

Не раз во время путешествия слышала: Соловки у каждого свои и раскрываются каждому с нужной стороны. И приезжают на эти острова неслучайно. Кто — за ответами на свои вопросы о вере, кто — о смысле жизни человеческой, о превратностях судьбы, русской истории, кто — прочувствовать силу духа тысяч и тысяч людей, попавших в жернова советской лагерной истории, кто — за простой, но необыкновенной красотой северной земли и Белого моря.

А я поехала на Соловки за солью. Соль земли — люди. Они — в истории, в вере, в суровой простой красоте, лишённой для многих эстетики. Искать и добывать эту соль не пришлось. Её мгновенно принёс влажный северный ветер, окутал этой влагой лицо, руки, тело, и я почувствовала терпкость и странную сладость соловецкой соли.

На причале нас встречал наш гид и душа компании, Василий Николаевич Матонин — писатель, краевед, снс Северного (Арктического) федерального университета, главный редактор альманаха «Соловецкое море». Простой, неяркий,

как и всё вокруг на Соловках; мудрый, с глубокой, на первый взгляд незаметной, болью души, печалью неизбывной, и весёлым лёгким нравом. Талантище, глыба. Соляная и гранитная. Ни словом не обмолвился о причинах своей боли. И я бы только догадывалась, если бы не книга, попавшаяся на глаза на полке библиотеки в открытом пространстве нашей гостиницы «Островито—Морюшко» в первый же день. Книга Юлии Матониной «Вкус заката». Взяла в руки, открыла и... замерла. Так близки оказались мысли и чувства коротких стихов и афоризмов поэта.

Спешили. Поставила книгу на полку с мыслью обязательно вернуться к ней вечером. На маршруте, оказавшись рядом с Василием Николаевичем, упомянула о книге, авторе, подняв вопросительный взгляд.

— Это моя жена. Первая. Умерла. Совсем молодой, 25 лет ей было.

Я не спросила тогда о причинах смерти, как будто чувствовала — тайна. Тайны открываются порой сами. Если это нужно. Эта открылась тем же вечером, когда я снова взяла книгу в руки. Удивительные, окутанные воздухом, ветрами, морем, временами года Соловков и северных русских земель, стихи и короткие выдержки дневников Юлии привели к строчкам воспоминаний близких ей людей. И как гром среди ясного с первого дня нашего путешествия соловецкого неба — ушла из жизни по своей воле. В 25 лет, оставив троих детей. И я замерла на все оставшиеся островные дни.

Что такое женская сила духа? Оставаться самой собой. Сохранить свою мягкость, естественность, искренность и вселенскую женскую суть, спасающую и спасительную. И привнести хотя бы капельку дополнительной силы: от природы, от крепости камня, щедрости земли и бескрайности неба и моря — для себя. Сила и крепость, мягкость и мудрость. Мягкость — это тепло. Живое тепло сердца. Кровь течёт по жилам, горячая и живая. Несёт жизнь и силу жить, принимать себя и других такими, каковы есть. И если принял решение уступить, делать это без страдания, со смирением всего естества. Мягкость равна жёсткости. Это цельность.

Сила жить... Как бы ни было темно и безысходно. Суметь выстоять на краю дано не всем. Только ли самый сильный справляется с этим? Не слабость ли духа уводит от края пропасти? Дух может быть разным. Лёгким и прозрачным как воздух над морем. И крепким и прочным как скалы над этим же морем. Мне кажется, что понимание и чувствование одного из этих состояний и движет человеком на самом краю. И ты либо остаёшься на вечной и прочной земле жить дальше и идёшь по тверди земной в меняющуюся жизнь, какой бы сложной она ни была, либо тебя уносит лёгким птичьим пёрышком навсегда от грешной земли в голубое ангельское небо. Даже если видишь ты его свинцовым и давит оно невыносимой гранитной тяжестью, не давая оторваться от земли навеки.

Попросила у хозяйки отеля Ирины взять книгу в номер,

принесла, читала в ночи и не знала, как смогу вернуть её назад, на полку. Не выдав своё большее, чем коротко поведал в первый день Василий Николаевич, знание о судьбе его Юлии, спросила, можно ли где-то купить эту книгу. И чудо, подарок, простой и короткий его ответ: «В Морском музее, здесь, на Соловках, должна быть». Не ошибся, была. Теперь со мной. Читаю понемногу, погружаюсь в иные Соловки. Иные ли? Пожалуй, нет. Такие, какими я почувствовала их глубинной своей сутью. Суровые и нежные. Прозрачные, лёгкие и невероятно тяжёлые, как якорь, который никогда и никому не поднять. Невзрачные, сотканые из полутонов, и слепяще яркие, как июльское невероятное солнце наших дней на островах. Так бы и запомнили это путешествие в жарких и ярких красках зелени, голубизны неба, синевы моря, малиновых отсветов рассвета, багряных закатов и непорочной белизны чайчих крыльев. Спас последний день — небо суровело, срывался дождь, налетал порывами ветер, гудел в бойницах стен монастыря. Сюда мы снова пришли все вместе, с Василием Николаевичем, как в первый день. И круг замкнулся. Круги на воде, круги башенных пространств, кружки дождевых капель в пыли монастырского двора, круги колоколов — звонницы и снятых, нашедших покой в укромных уголках обители.

Покой. Снова много смыслов и образов. Отчего-то вспомнилась левитановская картина «Над вечным покоем». Так похож сюжет пейзажа на соловецкие островные виды с их

небольшими деревянными часовнями, посеребрившими просолёнными досками и чешуйчатыми луковками куполов. Истинная северная, такая непритязательная красота. По словам писателя и публициста Василия Михеева, полотно «Над вечным покоем» — «симфония, странная с первого раза, но неуловимо охватывающая душу, стоит только довериться её впечатлению». Как же это верно и по отношению к Соловкам! Неуловимые движения души, тронутой сначала просторами беломорскими, а потом тихими пейзажами соловецких островов, как лёгкое покачивание колоколов, до того момента, пока язык колокола не коснётся его тела. Доверилась, и музыка колокольного звона маленькой церквушки на Большом Заяцком острове стала фоном моих впечатлений от этой поездки. Звучит она и сейчас в моей душе. Недавно узнала, что Левитан писал «Над вечным покоем» под музыку Героической симфонии Людвиг ван Бетховена (Симфония № 3 ми-бемоль мажор). И неожиданно: писался этот пейзаж большую часть времени в Тверской губернии, у озера Удомля в имении Гарусово, принадлежавшем Аракчевым — дальним родственникам графа Алексея Аракчеева, того самого, известного нам из учебника истории. Извитая ниточка моей нынешней фамилии и здесь выглянула вдруг из полотна. Или это я сама её вытаскиваю?..

А образы соловецкой земли, природы, деревьев, зверей и птиц остались не только на фото. Они прекрасны в картинах, которые увидела иллюстрациями к книге «Вкус заката». Ещё

одно открытие для меня — работы художницы Екатерины Седачевой. Такие простые образы её графики — птицы, рыбы, водоросли, камни, фигурки людей — завораживают, отпечатываются в памяти. Живое и неживое, земля и небо, камень, крыло, рыба, тонкая линия берега словно спускаются с рисунка и оживают. Память у всех разная. У меня — больше чувственная и образная. Быть может, образы, появившиеся на страницах книги, которую я неслучайно взяла с полки небольшой гостиничной библиотеки, — ангелы-проводники? Доверилась им легко и не пожалела.

Эффект «Крузенштерна»

Пятидесятиметровый бом–брам–рей «Крузенштерна» дался нелегко: дыхание перехватывало, горло сохло, сердце порой останавливалось, но неведомая сила подталкивала меня вверх и вперёд, а в голове звучал голос любимого нашего старшего боцмана Привалова: «Вы сможете! Джомолунгма по сравнению с этим — ничто!» Сравнить мне было не с чем, но эта его вера в нас, воспоминание о его взгляде, его глазах с глубоким озером скрытой от всех боли, были для меня в тот момент маяком. Я выплыла из своего озера нескончаемой боли по давно погибшему сыну, встала, пошла, а теперь поднималась на верхушку мачты, чтобы полететь.

Вниз наказывали не смотреть, страховка — чистая условность при подъёме, потому что карабин пристёгнут к тебе самой на поясе, не скользит ни по какому тросу, как представлялось раньше. И только когда ты становишься на рей, перемещаешь её и пристёгиваешь себя карабином к тросу вдоль рея, она становится реальной.

Пристегнула, прошла вправо, освобождая место для поднимающегося следом за мной Володи, и... Замерла, пропала навсегда в том вселенском просторе, который открылся моему взору.

Земля круглая! Теперь я это знаю точно. Сияющий синий

простор, по которому рассыпаны золотые и серебряные искры гребешков волн, мягко изгибался на горизонте, плавно переходя в бескрайнее небо.

Страх исчез, растворился, и я даже не знаю в чём: в темно-синих водах Северного моря или в голубом манящем небе. Подняла глаза, пытаюсь увидеть границу, где оно бы кончалось, крючочек, облачко, за которое можно на всякий случай зацепить свою внутреннюю невидимую страховку. Ничего нет. Страх нет, крючочек не нужен. Тот, кто ведёт нас вверх и держит крылья после взлёта, мудр. Он всё знает, и всё происходит в свой час. Этот час — мой!

Вдали промелькнула белой стрелой чайка, маня за собой, лёгкий ветер погладил лицо, шепча на ухо: «Ничего не бойся, отпусти руки, поймай меня, удержи тебя в потоке!» Пальцы разжались легко, руки как крылья оторвались от троса, ушли в стороны. Подалась вперёд, навстречу ветру, небу, морю, горизонту и солнцу, растворённому в них. Вдохнула глубоко эту волшебную смесь солёного морского воздуха, солнечного света, попутного ветра. По телу пробежали мурашки, заводя мой мотор. Сердце гулко ухнуло рындой и разлетелось на мириады сияющих звёзд внутри. Звёздные эти потоки хлынули из распахнутых моих глаз цвета Северного моря, и я взлетела!..

Откуда она взялась, эта моя мечта о парусах «Крузенштерна»? Сначала были Ассоль и алые паруса, увидеть ко-

торые на горизонте мечтает любая девочка. Хотя кто-то всё же ждёт принца на белом коне. Но какой конь, даже самый прекрасный, сравнится с парусником? Я любила море и ждала паруса на горизонте. Алые паруса с возрастом бледнели. Почему, спросите вы? Взрослая жизнь вырастала из юности так же, как день идёт на смену утру, и алые паруса теряли расцветные краски. Паруса наполнялись солнечным ветром и белели от накатывающих на корабль волн. Парусник приближался к берегу, на борту стали различимы буквы. Длинное слово, буквы красивы, как чайки, рядом усевшиеся на парпет, — КРУЗЕНШТЕРН.

Чайки вдруг сорвались, потревоженные чьими-то близкими шагами, разноголосо закричали, закружили над берегом, взмывали вверх, скользили вниз, и их крики постепенно сливались в волнующую мелодию. Чайки уносились прочь от берега, в мелодии становились различимы слова. Я стояла на берегу, а вслед за потревоженными мною птицами улетала в морские просторы песня:

И старость отступит, наверно, —

Невластна она надо мной,

Когда паруса «Крузенштерна»

Шумят над моей головой...

Мелодия была такой щемящей, что хотелось вместе с нею и чайками лететь в морские дали ветром, наполнять собой огромные белые паруса, отдыхая недолго, обняв покрепче рангоут...

Годы шли, бежали, летели, и паруса становились всё белее — они пропитывались солью тайно пролитых слёз. Нет, уже не девчоночьих, а взрослых, женских, материнских. У матери, потерявшей сына, они никогда не иссякнут. Даже если никто и никогда не видел их на твоём лице, озеро твоей души с каждым годом становится всё глубже и солонее. А когда там случается буря — да-да, там, конечно же, может штормить! — тебя качает из стороны в сторону, как на настоящей палубе, если случается попасть кораблю в непогоду. И хочется спрятаться в маленькой каюте, свернуться калачиком на узенькой шконке, укрыться с головой одеялом, забыться, уснуть и больше никогда не просыпаться. Потому что каждое утро снова и снова возвращает тебя в жизнь, в которой больше нет рядом твоего ребёнка. И неважно, сколько ему было лет, когда он покинул этот мир. Для родителей ребёнок остаётся всегда ребёнком, даже если вам посчастливилось дожить вместе до его старости.

Те, кто терял детей, меня поймут. И матери, и отцы, хотя в нашей культуре не принято, чтобы мужчина плакал — мужские слёзы считаются признаком слабости. Кто может, кто вправе сравнивать материнское или отцовское горе по ушедшему раньше родителя ребёнку? Никто. Ни у кого нет таких прав. Чаша этого горя у каждого своя, иногда она так велика, что становится озером, морем, бескрайним океаном. И ты в своём горе безропотно готов принять наказание, потому что жаждешь быть наказанным за преждевременную смерть своего чада, потому что чувство вины преследует тебя и не даёт жить, спать, есть, пить. И ничьи утешения, увещевания не уменьшают твою боль, не ослабляют чувство вины. Каждый с этим справляется в конце концов сам, потому что нужно жить, потому что ты не один, рядом — родные, друзья, друзья твоего ребёнка и ещё много-много людей, которым ты можешь быть нужен. И твой ушедший ребёнок тебя не простит и не примет, если ты специально уйдёшь вслед за ним.

Вы вправе не верить, но я думаю, что наши ушедшие дети становятся нашими ангелами-хранителями: они оберегают нас на жизненных дорогах, по которым им не довелось пройти. Радуются нашим успехам, нашим улыбкам, нашим радостям. Огорчаются нашим неудачам, слабостям и слезам. Наши слёзы им переносить особенно тяжело, потому что исправить ничего нельзя, они не могут к нам вернуться. Они — там, где-то далеко и высоко, где не бывает тепло или холодно, нет ни лета, ни зимы, ни осени или весны, но есть лю-

бовь, и свет этой любви, как солнце, озаряет жизнь.

И нашу жизнь без них, наших улетевших голубят, тоже озаряет любовь. Любовь, которую мы храним в своих сердцах, в своей памяти милыми картинками безоблачного счастья. Теми самыми светлыми окошка—ми, заглянув в которые мы обязательно должны улыбнуться, ощутить это спасительное тепло и представить, как оно разливается в нас и вместе с кровью разносится в самые далёкие уголки нашего уставшего и измученного неизбывной болью тела, наполняя желанием жить дальше с этой светлой памятью. Исполнять мечты, до сих пор хранимые в тайных комнатах нашей души, не позволять им гибнуть в темноте. Возращивать, как из зёрнышек, из маленьких мечт большие или сразу дело, которое станет опорой в дальнейшей жизни. Не важно, насколько стоящим оно вам кажется. Оно обязательно удержит вас. Нужно только чувствовать свет той спасительной любви и понемногу поливать этим светом ваше зёрнышко. Вы скажете, что светом полить нельзя. Возможно, в грубой и твёрдой нашей реальности полить можно только водой или слезами, но в мире наших грёз нет разницы между настоящей водой и светом.

Свет любви всегда животворящ. Откинь одеяло, вытянись на своей шконке насколько это возможно, сядь, свесив ноги, и представь себя снова ребёнком, которому неведомы ещё ни горе, ни беда, а мир так манящ и прекрасен, что тебе кажется — ты в состоянии взлететь и парить как птица. Стоит только

захотеть, подкопить сил, взобраться повыше — и...

Вдали промелькнёт белой стрелой чайка, маня за собой, лёгкий ветер погладит лицо, шепча на ухо: «Ничего не бойся, отпусти руки, поймай меня, удержу тебя в потоке!» Пальцы разожмутся легко, руки как крылья распахнутся в стороны. Миг — вперёд, навстречу ветру, небу, морю, горизонту и солнцу, растворённому в них. Вдохнуть глубоко эту волшебную смесь солёного морского воздуха, солнечного света, попутного ветра. По телу пробегут мурашки, заводя остановившееся сердце. Оно гулко ухнет рындой, разлетится на мириады сияющих звёзд внутри, и окажется, что это не звёздные потоки вылетели из распахнутых моих глаз цвета Северного моря, а льдинки рассыпавшегося слова ВЕЧНОСТЬ, забравшего моего мальчика, который так любил песню «Ты морячка, я моряк»...

Взлетаю, душа легка и свободна! Летать, парить, наслаждаться несущим тебя потоком можно не только попав на настоящий парусник и поднявшись на самый высокий рей. Любое дело, которое приносит радость и от которого понемногу мелеет горькое озеро твоей души, может охватить тебя своим, неповторимым, ярким и радостным потоком. Самое—самое простое и обыденное для других, оно может стать лично для вас праздником. И тогда, как в детстве, зазвучат в душе весёлые колокольчики, похожие голосом на смешное слово «бом—брам—рей», четвёртый снизу рей на мачте, на который я смогла подняться и взлететь, воспарить душой, сердцем и

разумом спустя 24 года после гибели моего сына.

Парю в потоке, когда пишу, когда читаю, слушаю музыку, ухаживаю за своими комнатными растениями, бываю в театре, путешествую, ловя камерой телефона ускользающие краски очередного рассвета моей жизни. Когда общаюсь с интересными людьми, когда пою непоставленным голосом, танцую так, как просит моё тело, не знающее правильных танцевальных движений, смотрю фильм «В бой идут одни старики» и повторяю любимое: «Будем жить!»

Белка

Май подарил поездку в Питер, правда, по работе и всего на пару дней, но для меня даже ненадолго окунуться в питерский воздух — всегда счастье. Насыщенный встречами рабочий день позади, пошли прогуляться с подругой по Невскому. Вместе в Питере никогда не были, показывала ей «свой» город. Много лет назад я познакомилась с ним в Екатерининском сквере, вот и сейчас ноги сами туда несли.

Александринка на месте (в далёком 82-м этот театр назывался театром им. Пушкина): величественный фасад, квадрига Аполлона на аттике, белоснежные колонны. Прошлись вдоль них и через площадь вошли в сквер. Негоже императрицу со спины приветствовать, пусть и памятник. Круг почёта, головы — к небу: рассмотреть, вспомнить, вновь увидеть улыбку Её Императорского Величества...

Не успели ни рассмотреть как следует, ни поприветствовать — подруге позвонили. Звонок оказался важным, серьёзным, я не стала мешать, решила присесть и полюбоваться сквером.

Майский вечер был удивительно тёплым, нежным, и горожане, и гости наслаждались почти летним теплом — большинство лавочек были заняты. Поискала глазами более-менее свободную и увидела у одной стайку голубей. Птицы де-

ловито сновали у ног старушки, сидящей на лавочке. Рядом никого, вот она, удача. Подошла, спросила, можно ли присесть, не помешаю ли.

— Пожалуйста, не мешаете.

Платье в мелкий цветочек, сверху жилет, не совсем подходящий к благородному облику старой ленинградки: широкий, свободный, с множеством кармашков, какого-то сизого цвета. Копна благородно-серебристых волос аккуратно уложена на голове, по лицу разбежались множеством дорожек морщины, а глаза ясные, добрые. Глянула на меня мягко, но пронзительно и вдруг спросила:

— Что за памятник, знаете?

— Екатерина Великая.

— А внизу что за фигуры?

— Знаменитые люди её времени, фавориты.

Давно я не рассматривала памятник у Александринки в подробностях, но помнила, что там приближённые императрицы, достойнейшие люди того времени. Вгляделась, узнала: Ломоносов, Потёмкин, Державин, Дашкова. Удивилась вслух, что узнала. Назвала. Лёгкая улыбка скользнула по лицу старушки. Похожая улыбка у императрицы — её-то старушкой назвать язык не повернётся. Мягкая полуулыбка. Где-то ещё я такую видела... В Краснодаре! Похожий памятник Екатерине II, улыбающейся.

— Верно, приближённые, фавориты. Со мной однажды спорить задиристый юнец пытался, говорит, любовники у

ног. Обожатели...

Сказала и замолчала, взгляд остановился то ли на голове императрицы, то ли на небе над нею.

— Обожатели порой настойчивы бывают, готовы всё сделать, чтобы по их желанию вышло. У дочери моей обожатель настойчив оказался. Давно это было, ещё при Брежневеве. Светланка моя второй год на филфаке училась, в нашем Ленинградском университете. Тогда интерклубы, клубы международной дружбы, в каждом вузе были. Вот она и познакомилась там на одном из вечеров с пареньком. Американцем оказался, по обмену приехал учиться в ЛГУ. Влюбились друг в друга, повсюду вместе, через полгода предложение он ей сделал. Согласилась, да я и не препятствовала, видела, как они счастливы, как подходят друг другу. Сколько инстанций пришлось обойти, прежде чем разрешение на этот брак дали, вспоминать не хочется. Я тогда ещё сама молода была, напориста, активна, говорили даже, красива... Никогда об этом не думала, жила захлёб, училась, дочку растила, потом работу интересную предложили — в конструкторском бюро космической тематики. Коллеги меня Белкой прозвали. Думала, как первую космическую путешественницу. Не утомила я вас?

— Нет, что вы, так интересно! Простите, как вас зовут?

Старушка приосанилась, медленно повернула голову влево, вправо, потом чуть тряхнула головой и улыбнулась хитровато:

— Белкой зовут! — тихонько засмеялась, довольная своей шуткой, продолжила. — Елена Александровна я. А тогда, в молодости, иначе как Белкой и не называли. Волосы свои непослушные в пушистый хвост собирала на макушке. Медленно ходить не умела, вечно мчалась куда-то, всё хотела успеть узнать, увидеть... Бегу, хвост на голове в такт шагам туда-сюда, туда-сюда, будто подгонял меня. Может, и поэтому Белка?

Собеседница моя замолчала, пошарила в одном из множества кармашков мужского своего жилета, достала горсточку семечек, бросила голубям. Сухонькая рука, тонкая, почти пергаментная кожа, узловатые пальцы. Много, ох, много довелось им работать, устали, сложились горсточкой, накрыли другую руку, подрагивают. Их хозяйка, явно растревоженная воспоминаниями, строгим, уверенным движением уняла эту предательскую дрожь и продолжила свой рассказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.